

С КОЛЬКО раз мы, омичи, проходили мимо этого здания — сто, двести, триста? Жизнь есть жизнь: спешка, суета, масса разных дел. Чаще всего быстрым шагом идем мы мимо его колоннады. Но наверняка каждый из нас хоть однажды да залюбовался его спокойной классической красотой — лаконично и мощно строили в прошлом веке. Каждый из нас читал золотые слова трех мемориальных досок, прибитых к его белоснежным стенам.

«Здесь учился (1898—1905 гг.) Валерий Владимирович Куйбышев».

«Здесь в 1891—1898 гг. учился Герой Советского Союза генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев».

«Здесь работал с 1936 года по 1942 год Герой Советского Союза генерал-майор Гуртьев Леонтий Николаевич».

Главная улица города, Здание Омского высшего общевоинского командного

ПАМЯТЬ

Конкурс «Молодого сибиряка» и Общества охраны памятников истории и культуры.

1. Дом

С КОЛОННАМИ

дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе.

Мы знаем славную историю этого училища, созданного в 1919 году для защиты завоеваний Октября. Мы помним и чтим его выпускников, насмерть стоявших в битве с фашизмом.

А что было в этих стенах раньше? Человек, хоть немного интересовавшийся историей Омска, ответит: Сибирский кадетский корпус, это в нем учились и В. В. Куйбышев, и Д. М. Карбышев.

Но, как правило, здесь подобный «исторический диалог» заканчивается: омичи (и особенно молодые) мало знают о прошлом этого учебного заведения. А ведь оно было основано в 1813 году и не могло не оставить следа в истории нашего края.

Один автор всю более чем вековую историю Сибирского корпуса уместил в нескольких строках. Сказал, что это была «опора и цитадель самодержавного строя» и что его выпускники «верой и правдой служили» царскому правительству.

Надо ли так упрощать? Надо ли стричь под одну гребенку всех воспитанников корпуса? Как же в таком случае быть с выпускником-отличником 1898 года Дмитрием Карбышевым?

Александр Сергеевич Пушкин как-то с горечью заметил: «Мы ленивы и не любопытны». Так давайте отбросим лень и будем любопытными! Заглянем в историю этого старого омского здания.

СИБИРЬ начала прошлого столетия. Две гимназии — в Тобольске и Иркутске. Три уездных училища. Несколько гарнизонов и военных школ, где дети обучались «всему строевому, грамоте, арифметике, барабанщичьей науке, играть на флейте». Вот и все «столпы образования» на огромной территории от Урала до Тихого океана.

Начальство понимало, что на одной «барабанщичьей науке» далеко не уедем. И вот в мае 1813 года омичи присутствуют на торжественном открытии Войскового казачьего училища. В 1845 году училище это было превращено в Сибирский кадетский корпус.

Молодые люди, выходявшие из стен корпуса, сыграли немалую роль в освоении Сибири и азиатских просторов России. Они основывали десятки городов, поселков, станиц. Они учили кочевников грамоте, начали сельского хозяйства и строительство. Они защищали мирное население от набегов воинственных ханов, участвовали в научных экспедициях и дипломатических миссиях.

Оставим общие места и перейдем к конкретным лицам.

В 1817 году закончил корпус Иван Карбышев — предок нашего славного земляка. Это был человек отчаянной храбрости, обладавший незаурядными военными способностями.

Не раз приходилось Ивану Карбышеву участвовать в жестоких сражениях. Но, к тому же, он был человеком любознательным, охотно входил в состав научных экспедиций. Немало, например, сделал он для изучения окрестностей озера Иссык-Куль.

В 1834 году в пределы России вторгся коварный кокандский хан. Карбышев возглавляет поход в глубь казахской степи и отражает врага. Во время этой кампании им был основан город Верный — ныне Алма-Ата, столица Казахской ССР.

На территории современного Казахстана есть еще города, основанные воспитанниками корпуса. Выпускник 1826 года Степан Лукин заложил Сергиополь, а его однокашник Михаил Казачинин — Кокчетав.

Вот еще имена некоторых выпускников.

А. П. Нестеров известен как исследователь Западной Сибири и издатель иркутской газеты «Сибирь».

В корпусе получил образование Н. Ф. Анненский — редактор Михайловского и Короленко по журналу «Русское богатство», известный статистик и публицист.

Фотография бывшего кадета В. И. Вагина есть в Сибирской Советской Энциклопедии, он известен своими работами по истории Сибири, своей журналистской

и общественной деятельностью.

Немало полезного сделали выпускники корпуса, ставшие топографами — Инфатьев, Бородин, Кокоулин, Крутиков, Боярский, Ваганов. Они участвовали в составлении первой общей десятиверстной карты Западной Сибири.

В 1912 году корпус окончил младший брат В. В. Куйбышева — Николай Владимирович — впоследствии крупный военачальник Красной Армии.

ВЫШЕПРИВЕДЕННЫЕ имена известны не столь широко. Между тем в корпусе учились трое людей, статьи о которых можно найти в любой энциклопедии. Это Николай Ядринцев, Григорий Потанин и Чокан Валиханов. Каждый из них внес немалый вклад в отечественную науку, в изучение Сибири и Азии, в развитие общественной мысли.

Коротко о каждом.

Николай Михайлович Ядринцев родился в Омске в 1842 году. Отец его был человеком образованным и для своего времени довольно передовым, дружил с декабристом В. И. Штейнгейлем. Н. Ядринцев проучился в корпусе лишь некоторое время, завершал образование в Томской гимназии и в Петербургском университете.

В Омске одна из улиц названа именем Ядринцева — и это вполне заслуженно. Ядринцев был первым, кто выдвинул идею о необходимости открытия в Сибири университета, по его инициативе на этот предмет начался сбор пожертвований. Николай Михайлович является одним из организаторов Омского отделения географического общества, который работает и поныне. Его перу принадлежат многочисленные исследования по статистике, фольклору, этнографии, экономике, археологии Сибири. Его книга «Сибирь как колония» создала автору имя и в европейских научных кругах, она до сих пор не утратила своего значения. За результаты алтайских экспедиций Ядринцев был награжден золотой медалью Русского географического общества. Он основал газету «Восточное обозрение» с приложением книжек «Сибирского сборника». Не так давно — в октябре минувшего года, когда отмечалось 130 лет со дня рождения Ядринцева, — кандидат филологических наук А. Кандеева рассказала читателям «Молодого сибиряка» еще об одной стороне многогранной деятельности этого человека: Николай Михайлович был незаурядным поэтом — автором гражданственных, публицистических, очень «сибирских» стихов, сыгравших свою роль в развитии сибирской литературы.

В Барнауле на могиле Ядринцева (умер в 1894 году) стоит его бюст. На гранитном пьедестале надпись: «Сибиряк — писателю-публицисту».

И еще один факт. В 1918 году В. И. Ленин разговаривал с сыном Ядринцева. Глава Советского государства с большим уважением отзывался об отце своего собеседника.

А. ЛЕЙФЕР.

(Продолжение следует).

ПЕРЕД нами толстый том, изданный в Москве в 1915 году, — «Краткий исторический очерк первого Сибирского кадетского корпуса. 1819—1913». Бумага — хоть деньги на ней печатай. Масса фотографий. И солдафонский, верно подданически и «штиль». Фактический материал буквально тонет в официозных описаниях различного рода торжеств, актов и церемоний. Авторы очерка, захлебываясь от умиления, подробнейшим образом рассказывают о том, как корпус «осчастлививали» своими приездами «августейшие» родственники царей. И в то же время такой штрих — на 450 страницах этого труда не нашлось места для того, чтобы упомянуть о великом Гумбольдте и авторе «Жизни животных» Бреме: всемирно известные ученые-путешественники посещали корпус, первый — в 1829 году, второй — в 1876.

Открываем раздел «Выдающиеся питомцы корпуса». Среди других фамилий читаем: «Григорий Потанин, год выпуска 1852. Знаменитый путешественник и исследователь Сибири и Монголии; издал ряд ученых трудов».

Авторам парадного очерка «не с руки» было упоминать о том, что «выдающийся питомец» и «знаменитый путешественник» был подвергнут в Омске унижительному обряду гражданской казни, а затем отправлен в Свеаборгскую крепость как важный политический преступник. Конечно же, в помпезном юбилейном тексте неудобно было упоминать о громком деле сибирских «сепаратистов» — чуть ли не самом крупном политическом процессе дореволюционной Сибири. А процесс этот имеет к истории корпуса отношение непосредственное, так как среди 70 человек, привлеченных к дознанию, бы-

ли кадеты — и бывшие, и настоящие: Г. Усов, А. Самсонов, Н. Кирьянов, М. Чукреев, В. Корнилов, М. Путинцев, Н. Ядринцев. Да и началось-то все с того, что в стенах корпуса была обнаружена прокламация «К патриотам Сибири», призывавшая к восстанию против самодержавия.

ствие намеренно шло по пути замалчивания революционного характера организации, намеренно сводило все к мнимому «сепаратизму». На самом деле сибирский «филиал» «Земли и Воли», руководителями которого были Потанин и его друг Ядринцев, добивался лишь областной,

рий Николаевич (он умер в июне 1920 года, в возрасте 85 лет), видимо, просто плохо соображал, что происходит вокруг (см. упомянутую коллективную статью и монографию В. В. Гармизы «Крушение эсеровских правительств», М., «Мысль», 1970 г., стр. 70—71). Во многих сибирских городах (в том числе и в нашем) есть улицы, носящие имя этого человека. Не случайно в Томске, возле университета, для открытия которого Потанин тоже сделал многое, стоит памятник ему. Бывший кадет Сибирского корпуса интересен нам не только как выдающийся ученый и путешественник, но и как революционер-шестидесятник.

В 1874 году по хода-

ПАМЯТЬ

Конкурс «Молодого сибиряка» и Общества охраны памятников истории и культуры.

2. Дом

с колоннами

Секретари заседавшей свыше двух лет Омской особой следственной комиссии писали на папках «дела» заголовки один страшней (и невероятней) другого: «Об открытии виновных в распространении в Сибири вредной противоправительственной пропаганды», «О злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири», «Дело о злоумышленниках, возмевших намерение отделить Сибирь от России и основать в ней Республику на манер Северо-Американских Штатов» или «Дело о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и отделиению ее от империи». Ларчик открывался просто. Как пишет «История Сибири» (т. 3, стр. 149), след-

внутренней автономии Сибири, самоопределения, а не отделения.

В последние годы дана четкая оценка так называемого «областнического» движения в Сибири. Например, та же «История Сибири», а также статья В. Коржавина, В. Мирзоева и Н. Яновского «К характеристике сибирского областничества» («Сибирские огни», № 12, 1971 г.) справедливо трактуют его как явление в первом своем периоде положительное, прогрессивное, сыгравшее в 60—90 годы немалую роль в социальном и культурном развитии края. Появились высказывания, более спокойно и объективно оценивающие деятельность Потанина в годы революции и гражданской войны, когда политические авантюристы использовали в своих целях его авторитетное имя — престарелый, засыпавший во время заседаний Григо-

тайству Русского географического общества Потанин был помпозен и продолжил свои научные занятия. Он сказал свое слово в географии, истории, этнографии, исследовал малоизвестные районы внутренней Азии: Северо-Западную и Центральную Монголию, Тангутско-Тибетскую окрестность Китая, среднюю часть Большого Хингана и т. д. Он, вместе с Пржевальским и Певцовым, положил начало их глубокому научному исследованию. Не случайно биограф Потанина — известный ученый и писатель В. А. Обручев писал: «С полной справедливостью и гордостью можно сказать, что Потанин принадлежит к числу русских классиков-географов и что своими трудами он сделал ценный вклад в русскую и мировую географию».

А. ЛЕЙФЕР.
(Продолжение следует).

ТО, ЧТО уже упоминавшийся «Краткий исторический очерк» корпуса составлен весьма и весьма однозвучно, говорит и такой факт: в раздел «Выдающиеся питомцы» не включено имя Чокана Валиханова. Должно быть, авторы не сочли нужным упоминать «инородца». Им было безразлично, что этот человек известен ученым-ориенталистам всего мира. Они сделали вид, что не знают о той оценке, которую дал П. П. Семенов-Тянь-Шанский главному делу жизни Валиханова — его путешествию в Кашгарию: «Поездка эта представляет собою замечательный географический подвиг: со времени Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, за исключением несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе».

Чокан Чингисович Валиханов родился в 1835 году. Его отец был офицером русской армии. Мальчиком Чокан был определен в корпус. По единодушному утверждению современников, годы учебы в Омске были самыми важными в его жизни. Занятия науками, влияние прогрессивно настроенных преподавателей, знакомство с освободившимися из Мертвого дома петрашевцами — Ф. М. Досто-

рый бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей Родине, просвещенным ходатайством за нее у Русских. Вспомните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала двобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу, и сердце... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданьями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования Европейского. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности...»

Поражает, насколько точно последовал этой программе Валиханов. Именно просторы азиатской России (Степь, как тогда их называли) стали объектом его научных интересов. И писал он именно «вроде Джона Теннера» — в жанре, который мы бы сегодня определили как научно-художественный. И на протяжении всей своей короткой жизни был защитником своего народа.

В июле 1859 года из Омска в столицу было отправлено донесение:

«Караван, посланный в мае минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с ним прибыл в г. Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов».

Вскоре генерал-губернатор Западной Сибири рапортовал министру иностран-

ПАМЯТЬ

Конкурс «Молодого сибиряка» и Общества охраны памятников истории и культуры.

3. Дом

с колоннами

евским и С. Ф. Дуровым, дружба с Г. Потаниным, встречи с П. Семеновым (будущим Тянь-Шанским), посещение лучших интеллигентных домов Омска — вот что сформировало из диковатого казахского мальчишки человека смелого, любознательного, критически мыслящего, высокообразованного.

Блестяще закончен корпус. Впереди, казалось бы, безмятежное будущее: очередные чины, награды. Но молодой офицер уже принял участие в нескольких научных экспедициях, он смутно чувствует, что военно-чиновничья карьера — не его призвание. 5 декабря 1856 года он посылает письмо своему старшему другу — рядовому Семипалатинского линейного полка Федору Достоевскому: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше».

В ответ Достоевский посылает свое знаменитое письмо, в котором изложена целая жизненная программа:

«...Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать десять книг, то ничего не напишешь... Вы пишете, что Вам в Омске скучно — еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. Помоему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если бы Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материализм, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Лет через 7—8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей Родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, кото-

рых дел:

«Если принять во внимание, что столь многообразные, относящиеся почти ко всем отраслям науки и государственного устройства сведения отчетливо составлены молодым человеком, недавно еще окончившим воспитание в Сибирском кадетском корпусе и по происхождению киргизом (так тогда называли казахов — А. Л.), между коими весьма трудно встретить людей даже с обычным начальным образованием, что для собрания этих сведений следовало провести продолжительное время, подвергаясь всем лишениям и даже опасению позорной смерти, далее, что сведения эти, объявленные печатью, приобрели бы ему почетную известность в ученом мире, известность, лестную для благородного честолюбия...»

Двумя годами раньше в загадочную страну Кашгарию отправился немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейт. Валиханов привез ужасное известие о его судьбе: отрубленная голова немецкого ученого была выставлена на всеобщее обозрение. Такая участь грозила каждому чужеземцу, такое могло случиться с самим Валихановым.

Переодетый и сменивший имя, Чокан проник в Кашгар с торговым караваном, и прожил там почти полгода. Ежедневно его могли разоблачить, но мужество, находчивость, острый ум помогли молодому ученому. Он собрал большое количество научных и политических сведений о неизвестном доселе крае.

Весной 1860 года Валиханов приехал в Петербург. Ему аплодирует общее собрание Русского географического общества. Его наперебой приглашают в лучшие столичные дома. О нем пишут иностранные журналы, в Лондоне издают его работу...

Но судьба жестоко обошлась с Чоканом. Весной 1862 года он вынужден покинуть столицу: слабые легкие не выдержали петербургского климата. Он надеялся вернуться, был полон планов, творческих замыслов. Но туберкулез прогрессировал. В апреле 1865 года Чокана Чингисовича не стало. Похоронили его возле караванной дороги, по которой он когда-то отправился в свое знаменитое путешествие.

Имя Чокана не забыто. О нем написаны книги и сложены стихи. Академия наук Казахской ССР издала все его сочинения. А нам, омичам, следовало бы установить на здании училища имени Фрунзе мемориальную доску в память о первом ученом и просветителе братского казахского народа. А. ЛЕЙФЕР.

(Окончание следует).

РАССКАЗ наш будет исполним, если хотя бы вкратце не напомнить о некоторых преподавателях корпуса. Среди них было немало людей интересных и выдающихся. Недаром в середине прошлого века корпус считался лучшим учебным заведением Сибири.

Преподаватель русской словесности Н. Ф. Костылецкий. Этот человек был горячим поклонником Белинского. И в основу своих лекций он положил статьи неистового Виссариона. Академик А. Х. Маргулан пишет, что тот «оставался до конца жизни стойким борцом против крепостничества, верил, что придет час свободы. Это был человек кристальной чистоты, всегда смело стоявший за правду. Он с убийственным сарказмом говорил о крепостнических порядках в России, о несправедливости и косности, с которыми надо бороться... Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде».

В одном из писем Ф. М. Достоевского, написанном уже после выхода из острога, есть такие строки:

«Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных — меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме. Я всегда слышал о Вас то, что научило меня искренне уважать Вас; доброты же Ваша и нам научила меня и любить Вас...».

ПАМЯТЬ

Конкурс «Молодого сибиряка» и общества охраны памятников истории и культуры.

4. Дом с колоннами

Письмо адресовано инспектору классов Омского кадетского корпуса Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину.

В своих воспоминаниях Г. Н. Потанин пишет:

«Ждан-Пушкин был разносторонне образованный человек; он знал французский, немецкий и английский языки, был отлично знаком с историей современной литературы особенно английской, и с историей вообще. Случалось, что иной предмет останется без преподавателя — Ждан-Пушкин брал преподавание на себя. Так он по временам читал нам алге-

бру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но главным образом, его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев; надеты старались подражать ему».

Достоевскому и Дурову (важным государственным преступникам!) Ждан-Пушкин помогал с вызывающей уважением смелостью и последовательностью.

Преподавать кадетам историю Ждан-Пушкин пригласил молодого преподава-

теля Г. В. Гонсерского. В Сибирь он попал не по своей воле, а был удален из столицы за сочувствие декабристам и участие в «студенческих беспорядках».

«Ленции его, — вспоминает Потанин, — имели для нас большое значение. В кадетских корпусах историю по программе позволялось доводить только до 1815 года, но Гонсерский, конечно, с разрешения Ждан-Пушкина, довел ее до 1830 года, особенно подробно он прочел нам историю Великой французской революции».

Литературу в корпусе преподавал

В. П. Лободовский — личный друг Н. Г. Чернышевского и последователь его идей.

Сибирская Советская Энциклопедия отмечает заслуги преподавателя (а в прошлом выпускника) корпуса Г. Е. Катанаева в историческом изучении Сибири.

Еще одна весьма интересная фигура — законоучитель Александр Сулоцкий. Вот внешне штрихи его биографии. Родился в 1814 году, окончил Петербургскую духовную академию, был определен в Тобольск, затем в течение многих лет преподавал в Омском корпусе. А вот факты, рассказывающие о внутреннем «я» этого человека. Дружба с сосланными в Тобольск декабристами. Активное участие в той помощи, которую оказывали омичи Достоевскому и Дурову. Потанин пишет: «У Гонсерского и у Сулоцкого мы учились думать». Сулоцкий является автором сочинений по истории Сибири — сочинений, которые не утратили своего научного значения и по сей день, недаром второй том «Истории Сибири» неоднократно ссылается на них. Один из исследователей, говоря о Сулоцком, ставил его имя в один ряд с именами Слоцова, Ершова, Знаменского, декабристов, утверждая при этом, что тот немало сделал для развития культуры

нашего края.

В нашем городе есть улица М. В. Певцова. Известный русский путешественник в течение 12 лет преподавал в корпусе географию. Его вклад в отечественную науку известен. Это исследования Джунгарии, Монголии, северо-западной окраины Китая, Восточного Туркестана, Тибета. Недаром Певцова считают продолжателем дела Пржевальского.

Свой вклад в географическое изучение Сибири внес и другой преподаватель корпуса — И. Я. Слоцов (однофамилец знаменитого историка). Окрестности Кокчетова и Тюмени, Пелымский край, Тянь-Шань, Аму-Дарья, Голодная степь, Нерчинск, Алтай, Северный Урал — вот маршруты его научных экспедиций. Кроме того, Слоцовым основан Тюменский музей.

ПРОШЛИ годы. Давно уже нет в живых никого из тех, о ком говорилось в этом очерке. Другими заботами живут хозяева белоколонного здания на главной улице Омска — курсанты, будущие советские офицеры. Но добрые дела тех, кто поднимался по его ступеням много лет назад, живы и по сей день. Живы в названиях географических пунктов и улиц, в книжных строках и в научном «багаже» современного ученого. Живы в нашей памяти.

А. ЛЕЙФЕР.